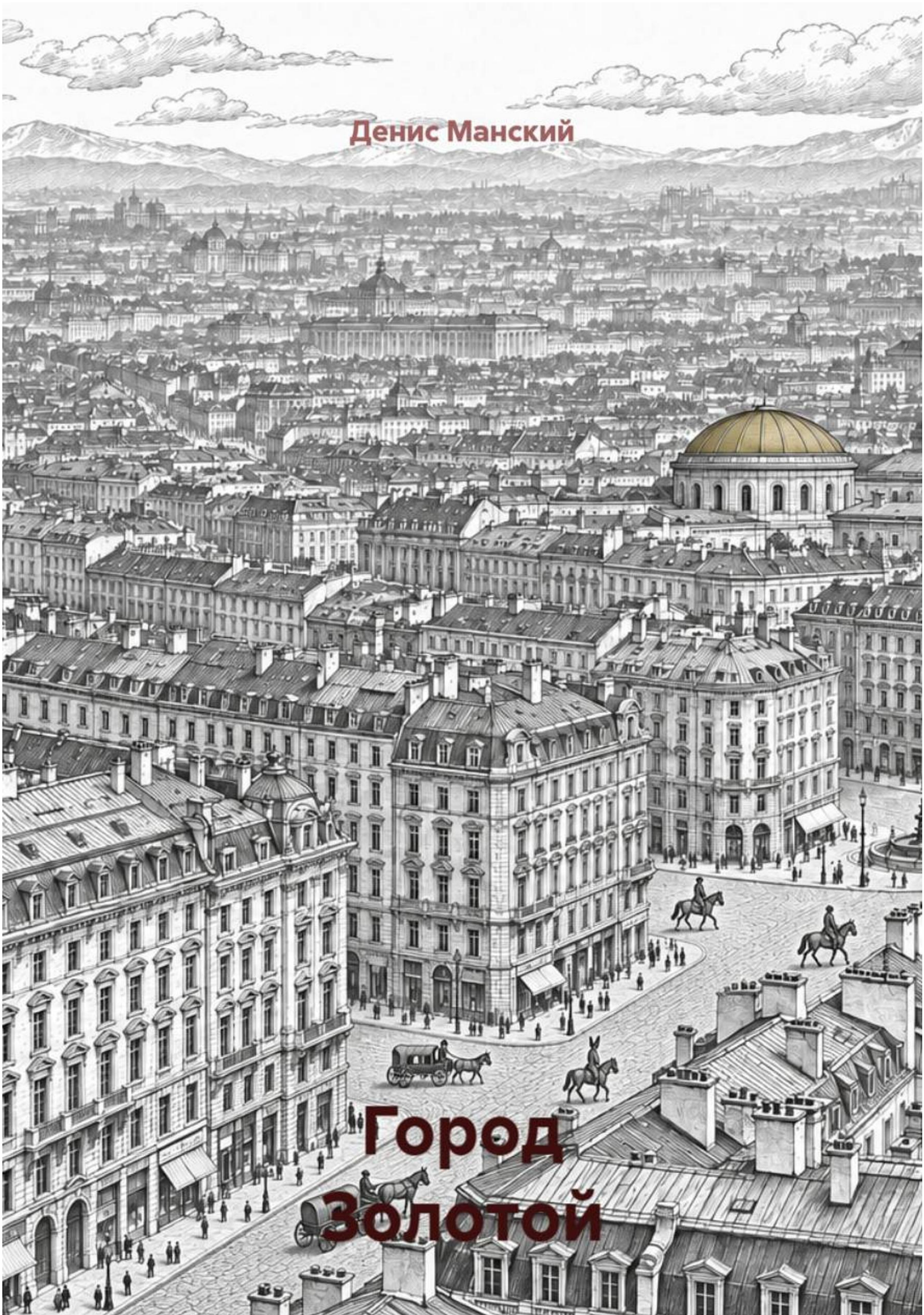
Денис Манский



Город Золотой

Денис Манский

Город Золотой

«Автор»
2026

Манский Д.

Город Золотой / Д. Манский — «Автор», 2026

В городе Золотом даже войны случаются по расписанию. В книжных лавках продают календари с разными вариантами летоисчисления, но какой бы ты ни выбрал - ничего не изменится. Здесь давно привыкли быть счастливыми.Однажды семнадцатилетнему Артаку попадается книга со старыми фотографиями. Он узнаёт свой город по улицам и куполам. Только жизнь на этих снимках совсем не похожа на ту, которую он знает.

© Манский Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дядя 5
Странный предмет и незабвенная Донна Констанция 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Денис Манский
Город Золотой

Под небом голубым
Есть город золотой…

Дядя

Хочу искренне вам поведать о той любопытной истории, которая произошла некоторое время назад, в ту славную пору, когда я был ещё совсем юн, наивен, и когда дядя Мойша всё ещё продолжал неистово ненавидеть свою драгоценную супругу, по причинам мне и до сих пор не до конца понятным. Итак, с чего бы начать? Ах, да. Наш город. Начну с того, что никто из ныне живущих даже не знает, кто и когда его построил. Многие столетия или даже тысячелетия плавный ход времени если в нём и ощущался, то едва-едва заметно, и, словно окунаясь в вишнёвый кисель, так в нём и затухал. Величественные горы со снежными вершинами, вздымавшиеся где-то возле горизонта, не вызывали у наших горожан ровно никаких ответных эмоций, кроме разве что досады от того, что солнце долгой зимой почти из-за них не показывается. Те же горожане полушёпотом порой рассказывали, что где-то там, среди высокогорных лугов, возле снежных шапок и отвесных скал скрывается знаменитый горный лев, который в свою очередь всегда охотится только на осторожного дикого тура. А в книжных магазинах иногда даже попадались древние иллюстрации: чудище с рогом на голове и огромными клыками. Сомнительные пояснения гласили, что это не что иное, как тот самый лев. Я, по правде говоря, думаю, что никто и никогда его не видел, но, видимо, так лучше продавалось.

Ну так вот. Тот год, о котором я хочу рассказать, не выделялся ничем особо выдающимся: всё так же крестьяне возле города вспахивали и засеивали свои чахлые поля, дядя Мойша по заведённому обыкновению ругал новую власть, а календари совсем растерялись, какой нынче год, и предлагались в лавках сразу во множестве вариантов летоисчисления. Тем не менее, что было совсем удивительно, сами календари, если, конечно, не смотреть год, полностью совпадали. Я, со своей стороны, в один из визитов в магазин пришёл к выводу, что должен, наконец, проявить себя в этом деле большим оригиналом, и выбрал вариант с три тысячи тридцатым годом от неизвестного события, некогда случившегося и теперь безвозвратно сгинувшего в памяти последующих поколений. Когда я покупал этот свой странный календарь, то владелец магазина, старый толстый мистер Бонзо, с пребольшим уважением посмотрел на меня, медленно и основательно упаковал сиё творение в блестящую подарочную упаковку и, преисполненный неведомой торжественности, затем вручил мне. Таким образом, могу определённо констатировать, что именно в три тысячи тридцатом году и случились все нижеописанные события, которые взболтали застоявшуюся и закисшую бутыль времени.

В том году, когда уже последний летний месяц приступил к выполнению своих обязанностей, солнце по привычке продолжало плавить камни и крыши и уничтожать безжалостными лучами уже пожухлую растительность во дворах. Тем не менее также ощущалось едва заметное дыхание осени, выражавшееся в крайне тревожных вышагиваниях по двору моей соседки Донны Фионы, тучной дамы нервического типа, театрально заламывавшей свои толстые и белые руки за спиной и печальным измученным взором вглядывавшейся в лазурные небеса в поисках задерживавшихся осенних грозовых туч. Больше ничего не нарушало стремительный ход лета, загонявшего даже самых ответственных работников в тень питейных заведений. Я только что получил уведомление о зачислении в наш городской ремесленный университет, и в ожидании студенческой эпохи бездельничал в небольшой, почти микроскопической

квартирке на последнем этаже дома, добившись за последний месяц высоких достижений в кидании комков бумаги в мусорное ведро. И вот в один из таких ничем не примечательных солнечных дней дядя Мойша, влекомый только ему понятными многочисленными беспокойными мыслями, траверсом стремительно пересёк двор у моего дома и на общей входной двери, к неприятному сожалению, нажал кнопку звонка, который немедленно в комнате возвестил о его почти состоявшемся визите, трагически изменившем впоследствии жизнь целого города. Пришлось бросить все начатые и не начатые дела и, вдев ноги в тапки, неспешно спуститься на первый этаж, дабы открыть несносному родственнику дверь. Тот по своему обыкновению выглядел раздражённо и озабоченно и, проигнорировав моё слабое приветствие, больше походившее на протест, вошёл в дом, по-барски отодвинув меня в сторону. Далее он принялся стремительно подниматься по лестнице, подразумевая, что я тут же жалкой тенью пойду за ним. Дядя Мойша был крепко сложен, невысокого роста; его короткие чёрные кучерявые волосы на голове, однако, отметились разрушительными признаками старости в виде пары неуместно поседевших участков. В школе он приобщал меня к «настоящей жизни» тем, что брал с собой по пятницам в местный кабачок «Три весёлые тётки», где обязательно находил благодарных слушателей для своих горемычных жизненных историй. И действительно — судьба била этого человека жестоко и немилосердно, взять хотя бы вот ту его историю счастливой женитьбы и последующей жизни с тётей Айей, которая приходилась родной сестрой моей матери. Как рассказывал дядя, когда он женился, то сначала стал самым счастливым человеком на свете, ибо взял в жёны ну хоть и не красавицу, но, однако же, женщину с редкостным сочетанием человеческих качеств — она была патологически молчаливой, и — о бинго! — скудоумной. Но в один из дней случилось то, что он никак не мог заранее предвидеть даже в страшном сне, и с тех пор словно непроглядная тень накрыла всё его последующее существование. А случилось то вот что: придя однажды вечером домой и, как всегда, приказав принести поесть, дядя удобно устроился перед радиоприёмником, намереваясь прослушать камерный концерт хорошо известного ему народного исполнителя. И через некоторое время он понял, что ему одновременно ещё мешали звуки непонятного происхождения. Прислушавшись, дядя пришёл к единственному возможному в тех обстоятельствах выводу о том, что это раздаётся известная песня из радиоприёмника:

— Айя, дорогуша, немедленно выключи своё радио, я не могу сконцентрироваться на этом дивном концерте.

— А радио и не включено, — донеслось из кухни в ответ, и с этим ответом, как потом неоднократно рассказывал дядя, к нему в тот вечер пришли демоны разрушения, покрасив обильной сединой виски и пустив волну холодного пота по всему телу. Когда он ворвался на кухню, то сомнений уже оставаться не могло — тётя пела песенку, расплескав тем самым самое главное женское качество, по мнению дяди.

Я не мог его не жалеть, и как раб помогал всегда, чем мог. Своих детей он не то чтобы не планировал, он вообще не понимал, какое это может иметь к нему отношение, зато, сам не знаю, как, но я внезапно с его слов оказался обязан дяде до гробовой доски, и за этими должками он периодически внезапно заявлялся. Вот и сегодня, следуя древней традиции, дядя вихрем ворвался в мой застывший мир, заставляя бегом следовать за его корявой и неуёмной фигурой. Когда я, теряя по пути тапки, запыхавшись, всё же вошёл в свою дверь, родственник уже вальяжно расположился на единственном в квартире стуле, закинув ногу на ногу, и недовольно посматривал в мою сторону сквозь густые мохнатые брови, будто бы ожидая ответа на вопрос «И зачем я сюда припёрся?»

— Ну? — начал он и поменял ноги местами.

Я огляделся по сторонам, ища моральную поддержку в непонятной ситуации, но с единственной репродукции на меня лишь безразлично глядели охотники, а под их ногами расположилась туша немого рогатого лесного обитателя, тоже ничем не могущего мне помочь. Так как в голову в качестве ответа ничего не пришло, то я потупил взор и начал с интересом разглядывать тёмное пятно на полу, возможно уже несколько веков не сдавшееся пот натиском тряпок и порошков. Дядя, осознав, что толку от меня в обозримом будущем не предвидится, наконец, взял слово. Его неутомимое тело уже стояло у окна, и он зорко вглядывался в уличный хаос середины дня, как капитан вглядывается в принадлежащий только ему одному горизонт.

— Как ты знаешь, — начал он размеренную речь, — скоро наступит пятнадцатое сентября.

Я утвердительно кивнул, не отрываясь от пятна, давая понять, что ничего не имею против этого бесспорного тезиса.

— И… — дядя слегка замялся, тревожно забегав глазами по комнате, — у меня есть превосходнейшая идея на сей счёт! — Он снова сел и посмотрел в мою сторону столь высокомерно, что я вынужденно снова вернулся к разглядыванию пятна на полу.

— Тебе предстоит послужить великому делу. Твой дядя в силу новых обстоятельств, о которых ты сейчас узнаешь, сможет выбиться в люди, его, наконец, признают и… — Дядя

резко вскочил. От избытка неведомых эмоций громадные слёзы неожиданно плюхнулись на мой пол. — И на главной площади ему вручат медаль, а то ведь и орден…

Я оказался почти во власти его неукротимого обаяния и согласился немедленно сделать всё, что угодно, при условии, что это не оторвёт от сегодняшнего ужина.

— Ну а теперь к делу, — продолжил он. — Когда в город осенью войдёт Великая Северная Армия, ты должен будешь запустить со своей мансарды огромный воздушный шар, с которого на эту армию начнут сыпаться бумажные приветствия. Генерал Пу это увидит, ему принесут одно из таких приветствий, и он тут же, естественно, потребует немедля разыскать смельчака и вознаградить! Но тут я, аки смиренный холоп, потупя дерзкий взор, выйду из недоумевающей и восторженной толпы и в полголоса сообщу, что это было именно моё приказанье, что огромная тайная организация поддерживает именно его — Генерала Пу — армию и готова по первому приказу нескончаемыми стальными людскими потоками выйти из тёмных и сырых подвалов!

Дядя тем временем уже забрался на еле живой стул и активно размахивал руками, представляя себя то генералом Пу, то дядей Мойшей, вступившими в важнейший государственный разговор.

— Дядя Мойша, — тут я осторожно вклинился в их разговор, — а что скажет Великая Южная армия, когда придёт в город весной?

И, прежде чем сообщить ответ дяди, я напомню немного про вышеупомянутые Великие Северные и Южные Армии. Сто лет, пятьсот ли или две тысячи — никто не знает, сколько нашему городу лет. Поколения, которые покидали город, оставляли потомкам лишь устные упоминания или календарики, которые были почти единственным, что продавалось в книжных магазинах. Старинные городские стены давно обветшали, но так как никто здесь давно не хотел воевать, то и восстанавливались они совершенно случайным образом без какой-либо защитной цели. Осенью, когда пыльные бури или их отголоски докатывались наконец до города, заставляя привычно роптать мирных граждан, в этой непролазной песчаной мгле сквозь шум песка и ветра начинали проступать металлические звуки и давно полинялые знамёна. Словно дикий зверь проступает очертаниями в темноте, так и Великая Северная армия, мало-помалу, как терракотовая армада проступала из пустынного небытия на улицы города. Она шла сотнями и тысячами запылённых солдат, всегда пятнадцатого сентября, и добро и зло в городе привычно расслаивалось как слои напитков в стакане. Дети, как обычно, с визгом бежали впереди авангарда — самых бравых и красивых пустынных воинов, проститутки жеманно теснились в окнах домов, предатели уже строчили доносы, а патриоты готовились сносить издевательства и экзекуции. И только мэр города, переминаясь с ноги на ногу, терпеливо ждал генерала Пу на Площади Всех Святых, благоухая большим караваем с солью. Те же граждане, к которым относился и мой дядя, и которые не имели определённой роли в этом таинстве событий, просто толпились по переулкам, обсуждая едва заметные различия с прошлым или позапрошлым годом. Это всё повторялось и через полгода, когда в город входила уже Великая Южная армия, проступив своим грозным обличием из таинственных снегов и буранов. На несколько дней весной и осенью город оставался совсем без власти, позволяя потерянным жителям, больше не различавшим ни добра, ни зла, одинокими тенями слоняться по грязным мостовым. И никто не знал, давно ли это ежегодное представление длилось, истории лишь передавались из уст в уста, превращаясь в мифы — как про горного льва — уже через сто лет.

Но вот амбиции дяди Мойшы, кажется, простирались куда дальше, чем было предсказано Судьбой, и это предопределило его сегодняшнее явление в мои скромные владения.

Дядя Мойша тем временем с трудом выплыл из сложных раздумий, связанных с последним вопросом, и, снова не найдя ответа в моих глазах, мудро заключил:

— До этого ещё нужно дожить.

Далее ничто уже не могло сбить с избранного пути целеустремлённого и амбициозного человека. В конце этой тернистой и полной опасностей дороги ему явственно виделось, как он сидит за одним столом, накрытым диковинными яствами, со старейшинами города, мудрейшими из мудрейших, и изрекает самому генералу Пу одну весьма глубокую мысль. Все с придыханием слушают дядю и перешёптываются, боясь спугнуть, как редкую птичку, эту самую мысль.

— Завтра я тебе принесу кое-что и объясню, что надо делать. — Он в итоге покинул постамент, и бодрым шагом, даже не обернувшись и не попрощавшись, вышел из квартиры, оставив меня в муках неведения мучиться всю последующую ночь. В ту ночь мне совсем не спалось из-за тревожных и неуёмных мыслей, словно насекомых, поселившихся в мозгу, и в итоге, перебравшись из мансарды на крышу, я, поджав руками ноги, сидел до утра на скате и любовался звёздами. Одна из звёздочек светила особенно ярко, и я решил, что именно эта теперь будет моя, моя навсегда, и удивительным казалось также то, на что раньше совсем не обращал внимания — а именно как красиво раскидываются звёзды на небе и как легко одну из них сделать своей. Прохладный утренний ветер в итоге прогнал меня с крыши, и последние затухающие во сне мысли были об этой уже исчезнувшей одинокой звёздочке.

Странный предмет и незабвенная Донна Констанция

С утра солнце радостно поливало всё ещё тёплыми летними лучами мою комнату, а занавески дружно повторяли порывы несильного ветра, тихо шурша друг о друга. Мне вспомнился странный визит дяди прошлым вечером, и подумалось сначала, что это мог бы быть и дурной сон, но следы грязных калош на ковре свидетельствовали об обратном. Оставалось только дождаться его снова и получить, наконец, разъяснения возникшей загадки.

Но дядя Мойша не явился на следующий день. И на следующий также не пришёл. Три дня не было ни одной весточки, и когда я уже подумал, что, может, стоит у тёти Айи справиться, не случилось ли чего нехорошего с её законным супругом, как тот, словно уловив эти возникшие мысленные беспокойства, наконец, материализовался на въезде в мой двор. Знакомый мне старый ослик тащил за собой огромный тарантас, гружёный большой коробкой и разным мелким хламом. Наверху восседал сам дядя, гордо и строго взирая по сторонам на мелкое людское беспокойство. Наконец ослик изволил остановиться, однако же, через миг проявил редкостный норов, попытавшись внезапно и без предупреждения протиснуться под узкий арочный вход во двор, чуть тем самым не размазав дядю по обшарпанному своду. Сделав пятиминутное внушение норовистой скотине, и, видимо, получив обещание в дальнейшем послушании, дядя вернулся к своей основной цели визита. Он принялся внимательно всматриваться в моё окно, невидимой силой своего обаяния призывая меня выйти во двор, чтобы снять с тарантаса эту огромную коробку для дальнейшего подъёма на шестой этаж под его чутким руководством. Но я притаился в листьях фикуса и с большим терпением ждал дальнейшего развития событий. Толпа любопытствующих удивительно быстро рассеялась после того, как дядя попытался на общественных началах, то есть безвозмездно, организовать перемещение скарба на шестой этаж. Последний из них стремительно покидал двор, бегло озираясь, а дядя, видимо, осерчав, что-то обидное кричал вослед. Ослик понурил голову и красочно дополнял картину отчаяния. Наконец случилось то, чего дядя старательно избегал всю свою жизнь — а именно тяжкий

физический труд. Огромная коробка была с трудом спущена с тарантаса и волоком передвинута к входной двери. Мой звонок истерически зазвенел, и я покинул своё обиталище через крышу, куда имел непосредственный выход, намереваясь обойти квартал и по пути выпить пару стаканов лимонада, дабы подойти к финалу мероприятия. Через час ослик всё так же стоял у входа во двор, и я, насвистывая песенку, легко и непринуждённо ступил на лестницу. На шестом этаже в полусумраке удалось легко опознать дядю по его глазам, которые просто струились негативной энергией.

— Ой, дядя, вы тут? Предупредили бы, а то я…

— Ты, ты… не должен был выходить из дома, ты должен был ждать меня, — голос свалился на фальцет, а мохнатые брови сложились в единое грозное целое и дополняли грозовую картину. Я, как и тот ослик, понурил голову, и минут через десять словесных излияний мне было позволено протащить на последние несколько метров эту чёртову коробку. Дядя даже не хотел с неё сначала спускаться, но я, для виду, беспомощно потолкав плечом, вынудил в итоге спуститься вниз, и после этого она быстро и благополучно переместилась за порог. Огромная коробка заняла почти весь проход в коридоре, и первое, что бросилось в глаза, это очевидная древность. Пыль плотно облепила стенки со всех сторон и особенно любвеобильно разместилась на крышке. От поднятой столетней пыли мы начали чихать, у нас заслезились глаза.

— У тебя где нож? — поинтересовался дядя, потрогав толстые верёвки, стянувшие коробку со всех сторон. Через полминуты я вернулся с тупым столовым ножом, которым дядя, под свои недовольные ехидные реплики, начал впустую перепиливать стропы. Наконец минут через пять адских мучений верёвка сдалась, и мы откинули крышку: внутри всё пространство оказалось заполнено жёсткой и плотной сине-жёлтой тканью, от которой неприятно и непривычно пахло.

— Ух ты! — изумился дядя.

— Да уж… что-то невиданное.

Мы перевернули коробку, и всё это вывалилось на пол. А после и небольшая книжка гулко бухнула на паркет. Дядя хотел её сразу схватить, но я оказался раньше и точным движением баскетболиста закинул на шкаф. Книжки в нашем городе были давно почти все запрещены, кроме тех немногих, которые относились к узкой категории «полезные». Да и они стали в последнее время большой редкостью, в основном служа для розжига многочисленных городских каминов. Никто не знал, что было до того, как исчез последний живой очевидец каких-либо необычайных событий, всё стиралось из памяти города, словно песчаные замки на берегу моря. Вся девственность мыслей горожан неуклонно соблюдалась, из года в год, испокон веков, заставляя радоваться или печалиться лишь небольшим жизненным изгибам, как, например, однажды опечалился дядя Мойша, когда его жена вдруг запела. Мысль выйти далеко за пределы городских стен также мало кого из горожан прельщала, а доставкой продовольствия и реализацией различных нужд города занимались старейшины, и эта система не давала никакого сбоя, казалось бы, с тех времён, когда зажглось светило. Дядя сделал вид, что книжка ему больше вовсе не интересна, даже несмотря на то, что на рынке за неё дали бы неплохую цену, которой бы хватило на трёхдневный фураж для осла. Я со своей стороны сделал вид, что меня это убедило. И мы снова всецело увлеклись тем, что помимо книги вывалилось из коробки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.